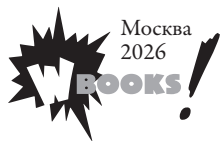

НОВЕЛЛИЗАЦИЯ
АРТУРА ПОГОРЕЛОВА

КРАСАВИЦА

В тексте использованы фрагменты следующих произведений:

«КОЛЫБЕЛЬНАЯ», Юлия Пересильд, музыка народная,
авторы текста: Шаганов Александр, Анфалова Наталья,
© ООО «Перспект Мира».

«Священная война», Слава Копейкин, композитор:
Александр Александров, автор текста: Василий Лебедев-
Кумач, © ООО «Перспект Мира».

«Яблочко», исп. Олег Паршин, музыка народная,
© ООО «Перспект Мира».

«Три танкиста», Мария Аронова, Полина Айнутдинова,
композиторы: Даниил Покрасс, Дмитрий Покрасс, автор текста:
Борис Ласкин, ©, © Даниил Покрасс, Дмитрий Покрасс
(наследники), © ООО «Перспект Мира».

«Моя любимая», Слава Копейкин, композитор: Матвей Блантер,
автор текста: Евгений Долматовский, ©, © Матвей Блантер
(наследники), ©, © Евгений Долматовский (наследники),
© ООО «Перспект Мира».

«Не грусти, Исаакий», Слава Копейкин, композитор:
Владимир Сорокин, автор текста: Соломон Фогельсон,
©, © Соломон Фогельсон (наследники), ©, © Владимир Сорокин
(наследники), © ООО «Перспект Мира».

ГЛАВА 1

СПУСТЯ 85 ЛЕТ

Мороз разный бывает. Бывает, как сейчас, когда покалывает по коже игриво, как бы напоминая: «Новый Год скоро! Новый Год!» При таком морозе хочется порой стянуть варежки, ощутить ладонями и вдохнуть холода, воздуха зимнего, чтобы после с ещё большим наслаждением укутаться в тёплое. Даже скучаешь о таком морозе потом, в иной душный летний день, вспоминаешь с улыбкой его узоры на окнах, и как прелестно клубился пар твоего дыхания, и свежо как было...

Но бывает мороз другой. О таком не будешь скучать. Никогда. Какой бы невыносимой ни была июльская жара. Вот ведь в чём штука: одно дело, когда холодно, другое — когда согреться нечем.

Вадим вспомнил сейчас как раз такой мороз. Когда-то давно ему пришлось испытать на себе суть выражения «пробирает до костей». И даже спустя 85 лет эта память его не покидала.

— Дедушка, ну надень варежки, замёрзнешь же.

Вадим послушно надел их обратно и двинулся дальше, цокая тростью о плитку зоопарка.

— Прадеда, а почему зоопарк в Петербурге, а называется Ленинградский? — спросила Марта.

Семья как раз подошла к новогодней ёлке, возвышавшейся среди павильонов. Молодой сотрудник зоопарка, взобравшись на лестницу, развешивал гирлянды. Марта и Марк, правнуки Вадима, шли чуть впереди него, а их мама рядом, держа его под руку. Вадим прищурился, ища что-то на ёлке.

— Прадеда?

— Раньше Санкт-Петербург назывался Ленинградом.

— Я уже в пятом классе, прадеда! Я знаю! Просто необычно, что его не переименовали обратно вместе с городом.

— А потому что зоопарк наш совсем необычный. Да, Петька?

Сотрудник на лестнице, заслышав своё имя, тут же обернулся на Вадима, чуть не грохнувшись с лестницы. Ещё пошатываясь на ней туда-сюда, он ответил:

— Здравствуйте, Вадим Михалыч! Конечно, необычный! Как здоровье?

Вадим Михалыч только фыркнул в ответ: не интересно ему про болячки разговаривать. Ему другое важно.

— Ты мне лучше скажи, Семён Семёныч как поживает? — поинтересовался Вадим. — Пошёл на поправку?

— Сами поглядите!

Петька, не выпуская из рук ёлочный шарик, указал рукой в сторону. В этот момент из-за угла павильона вышли две сотрудницы, ведя рядом пушистого-пушистого белоснежного альпака.

— Вау! — воскликнул Марк, глядя на это удивительное и прекрасное создание.

— Мы со стариком Семён Семёнычем ещё наперегонки побегаем! — порадовался Вадим.

— Прадеда, так а что в нём такого необычного? — вернулась к теме разговора Марта. — Просто, ну, ты не обижайся, я понимаю, что ты тут долго работал и всё такое... Тут прикольно, но просто мы были в зоопарках и побольше, и вообще...

— Марта! — шикнула тут же на дочь её мама.

— Пусть-пусть, не надо. — остановил её Вадим. — Ты права, Маруся, Ленинградский зоопарк не самый большой в мире. Его особенность в другом. Сейчас, где же она...

Вадим вновь прищурился, пытаясь что-то разглядеть на ёлке.

— Петька, а где ж Красавица? И мишку не вижу! И солдата! Они все должны рядом висеть, по центру! Забыли, что ли?

— Как можно, Вадим Михалыч!

И Петька достал из коробки три игрушки — медведя, бегемота и солдатика, а затем повесил их в самый центр ёлки, подвинув немного гирлянду.

— Все на месте!

— Это бегемотиха-то — красавица? — воскликнула Марта.

— Конечно. Это было её имя. Все животные у нас были особенные, а она больше других. А ещё...

Вадим указал тростью на игрушку в форме солдатика.

— Особенным был он.

— Солдатик?

— Это не просто солдатик. Это Колька. Колька Светлов. Мой друг из далёких времен, когда и город тоже ещё назывался иначе...

ГЛАВА 2

СТАРШИНА СВЕТЛОВ

Рассвет заливал сиянием Ленинград, но самоотверженные ноябрьские тучи закрывали его своими телами, беря огонь на себя, не пропуская ни одного лучика. Эти небесные караульные не привыкли покидать назначенных им постов над городом на Неве и с удивительным постоянством несли свою мрачную службу. Как нынче проходит под их хмурыми лицами петербуржец, так и раньше, в тысяча девятьсот сорок первом году, ходил под ними любой ленинградец.

Одним из таких ленинградцев был тогда молодой старшина, простой советский парень Колька Светлов. Он сидел и смотрел в окно, заклеенное бумагой крест-накрест. Это мера безопасности — если стекло выбьет от бомбардировок, благодаря бумаге осколки, возможно, не разлетятся во все стороны и не поранят людей. Но сейчас эти линии на стекле казались Кольке Светлову тюремными решётками. Ведь он уже несколько раз просил вернуть его на фронт и несколько раз получал отказ.

— Так что? Или секрет? — повторил вопрос его сосед по палате, вихрастый солдат, у чьей постели стояла пара костылей. — Что делать будешь?

— После войны-то? Да не думал я как-то. Добиться надо сначала, чтоб настало это «после», а уж потом...

— Пряма уж совсем не думал! — не поверил ему сосед.

Колька немного помедлил.

— К племяшке вернусь. Это точно.

— К племяшке? Впервые слышу. — В ответ на вопросительный взгляд Кольки сосед объяснил. — Обычно говорят: к матери, к жене. К старикам. Впервые слышу, чтобы кто-то говорил только «к племяшке» ...

Колька лишь кивнул ему и с мрачным видом вновь отвернулся к окну. В наступившем молчании сосед понял, что сгупил, и ощутил острый укол совести.

— Ты прости, брат. Мне с детства ещё говорили, что у меня мысли за языком не поспевают.

Колька не обратил на его извинения внимания.

— Чего видно за бортом? — продолжил разговор сосед, желая перевести тему.

— Солдатов выпускают. Из третьей палаты.

И действительно, из дверей госпиталя выходили трое ребят, прощаясь в дверях с провожавшими их медсёстрами.

— Нет, хватит мне уже! — с этими словами Светлов вскочил с постели и подхватил свой вещмешок. — Ты вроде выходил недавно, не слышал, главврач нынче где? Позарез нужен.

— Слышал. В районе виолончели, говорят, — улыбнувшись, ответил сосед. — Тоже на выписку собрался?

— В районе какой ещё виол... — не успел Светлов договорить слово, как голос его превратился в крик, и, схватившись обеими руками за голову, он осел на пол.

— Брат, ты чего?

Сосед, ни секунды не медля, схватил костыли и быстро, как только мог, доковылял до Кольки.

— Ты это, держись, сейчас сестру позову.

— Не надо, не надо сестру... — Колька, пусть ещё

и тяжело дыша, встал, опираясь на стену палаты, отряхнулся и направился к выходу. — В порядке всё. Так что за виолончель-то?

— Концерт вроде как внизу, струнный квартет. И главврач там быть должен, ясное дело. Тебе, может, помочь дойти, а?

Колька взглянул на соседа, опиравшегося на костыли, и быстро выпрямился, держась так, словно и не было ничего.

— Отдыхай, солдат, сам дойду, — бросил он напоследок, непринуждённо улыбнувшись.

Впрочем, стоило ему скрыться от глаз посторонних за дверью палаты, Колька вновь опёрся рукой на стену. Перед глазами засверкали звёздочки, и ещё минуту ему пришлось переждать без движения. Когда боль отпустила, Светлов принялся спускаться по лестнице.

В просторном фойе первого этажа яблоку было негде упасть: моряки, врачи и медсёстры столпились вокруг небольшой площадки у входа, где самозабвенно выступал струнный квартет: две скрипки, альт и виолончель, неподалёку от которой действительно стоял главврач, пожилой, но энергичный и строгий доктор.

Светлов, визуально оценив толпу слушателей, решил протиснуться к врачу в обход, пройдя за спинами музыкантов: иначе было не пробиться. Проталкиваясь через моряков и персонал госпиталя, Колька случайно зацепил даже одного офицера, но тот хоть и проворчал что-то вслед, сразу же забыл о наглости младшего по званию: слишком был увлечён музыкой. Редко выпадала солдату минута, когда можно забыть о фронтовом деле и отдохнуть душой. И совсем не хотелось портить себе эту минуту, отчитывая какого-то наглеца.

Светлов тем временем натянул для парадного вида бескозырку «МАРАТ» и прошёл за спинами квартета напрямиком к главврачу.

— Здравия желаю, товарищ Михал Михальч. Старшина первой статьи Светлов. Разрешите вернуться на фронт как можно скорее.

Главврач, с неохотой отвлекшись от виолончели, перевел взгляд на Светлова. Чуть прищурившись, он тут же вспомнил своего пациента, ведь, как это свойственно врачам, обладал отличной памятью на лица.

— Светлов с «Марата», верно? — не дожидаясь подтверждения, он продолжил. — Вам, простите, не то что на фронт, вам бы с постели пока не вставать лишний раз.

— Как не вставать? Да здоров же я, товарищ главврач, чувствую себя отлично!

— Я ведь объяснял: у вас тяжёлая контузия. Есть последствия долгосрочные. Нужен покой, ещё как минимум месяц, а то и два. А то и три. И даже после этого не факт, что...

— Да какой к чёрту покой, ядрёна вошь! — не выдержал спора Колька.

Стоящая рядом виолончелистка, несмотря на всю самозабвенность игры, не смогла не сбиться из-за его громкого возгласа, однако быстро вернулась к нужным нотам. Главврач крепко взял Светлова за плечо, чтобы привести в чувство.

— Тише! Успокойтесь! Контузия — это не игрушка и не просто головокружение и боль. У вас очаги в мозгу. В любой момент могут наступить непоправимые ухудшения. Одной головной болью не отделаетесь. Вы всё-таки старшина, должны же понимать свою ответственность.

— Вы думаете, я свою ответственность не понимаю? — горячо проговорил сквозь зубы Колька, вперив взгляд в главврача.

— Свободны, товарищ. Возвращайтесь в палату. И не мешайте музыкантам.

Главврач отвернулся к виолончелистке.

Колька, словно не снятый с плиты чайник, закипал изнутри. Уже не стесняясь и не прячась он зашагал обратно к лестнице прямо перед музыкантами, игнорируя немое, пока что, возмущение слушателей. Ну как, как они не понимают? Да и что, что контуженный!

— Город в кольце! Мой город! — крикнул Светлов, обернувшись на главврача.

Наступила тишина. Музыканта остановили смычки, прервав музыку. И для всех слушателей слова эти стали словно молния, разбившая сладкую иллюзию покоя. Казалось, кто-то сейчас непременно выйдет из толпы, чтобы призвать возмущённого старшину к ответу за нарушенный отдых.

Но вдруг тишину прорезала не ругань, а совсем другой, неожиданный звук.

— Ловите!

Что-то прилетело по груди Светлова и упало с металлическим звяканьем на пол. И только через мгновение после этого звука Светлов выбросил вперед руку, чтобы поймать брошенные в него ключи. Главврач, ни смутившись ни на секунду, подошел к старшине, поднял с пола связку ключей и положил ее обратно к себе в карман халата.

— Видите? Поймите, молодой человек, в кольце и мой город тоже. Но город-то мы восстановим. А вас?

Колька немного помолчал. Теперь ему стало неловко: все слышали его громкие слова, и все увидели его слабость.

— Не могу я, понимаете? Не могу я тут отсиживаться, сил нет никаких. Прошу вас! — тихо, уже без ярости проговорил Светлов.

— Ну попробуйте с комендантом поговорить, — вздохнул главврач. — Только он мои рекомендации знает, так что я бы на вашем месте ни на что не рассчитывал.

Светлов благодарно кивнул и помчался на лестницу. Правда, почти сразу же остановился и обернулся.

— Товарищи музыканты, виноват, прошу прощения!

И после этого он снова заспешил на лестницу, подгоняемый в спину надеждой наконец вернуться на фронт.

— Исключено!

— Товарищ комендант...

— У тебя контузия, чёрным по белому. Знаешь, что это значит? Это значит проблемы с головой. Чья ответственность, если ты по своим стрелять начнёшь?

— Вы что думаете, я своего от немца не отличу?

Военком Давыдов поправил пояс и снова перелистал документы Светлова, разложенные перед ним на столе.

— А этого ты наперед знать не можешь, пойми.

— Нет, это ты пойми... то есть, вы поймите...

Давыдов махнул Светлову рукой, мол, садись, и поморщился.

— Брось «выканье». Паша меня звать.

Светлов сел и продолжил, но простое товарищеское отношение коменданта притушило его ярость.

— Паш, ты меня пойми, а? Они ж у меня всё забрали. В один день. В один момент. Как я могу в тылу отсиживаться? Стыдно мне просто, понимаешь?

Давыдов поднял на Светлова взгляд из-под бровей, в котором молодому старшине увиделась большая-большая усталость.

— Отсиживаться... Ах, если б тут, в тылу, было время хоть у кого-то, хоть у одного солдата, как ты выразился, «отсиживаться». Думаешь, на спинке лежим, в потолок плюём?

— Никак нет, товарищ комендант...

— В тылу забот не меньше. Бандитизм гуляет, как у себя дома. Квартиры обносят, карточки хлебные крадут. Или это, по-твоему, так, мелочи?

— Никак не мелочи...

Давыдов сидел, скрестив руки на груди, задумчиво глядя куда-то в стену. Светлов понял уже, что ловить ему здесь нечего и, видимо, пришла пора прекратить натиск.

— Разрешите идти!

Дождавшись кивка Давыдова, Светлов направился к входной двери.

— Другой на твоём месте обрадовался бы... — протянул задумчиво Давыдов, скорее для себя, чем для Светлова.

Светлов обернулся.

— А я вам не другой.

Повисла пауза. Николай сделал последний шаг

к двери и уже взялся за ручку, но комендант снова остановил его.

— Уговор, Светлов. Помоги мне в тылу, и я помогу тебе вернуться на фронт.

Светлов подскочил обратно к столу коменданта.

— Спасибо, благодарю, товарищ комендант... Паша! Как мне помочь?

— Тихо-тихо, вот адрес. Задача: охрана объекта. Взамен я попробую тебя скорее отправить на фронт. По рукам?

— По рукам! А как долго мне там быть?

— Ну тут уж я тебе наперёд точно не скажу. Но, можешь поверить, я наш уговор не забуду.

Светлов улыбнулся и повернулся к выходу. Давыдов вновь посмотрел в документы на столе.

— Ведь не всё у тебя забрали, старшина, верно? Одним днём и одним моментом. Племяшка твоя... Зоя... она ведь здесь, в интернате?

Светлов остановился и кивнул.

— Забери её завтра. Нечего нынче порознь быть. А раз ты будешь отбывать службу на городском объекте, она может побыть с тобой.

— А что там находится? — спросил Светлов, читая на врученной ему бумажке номер и улицу.

ГЛАВА 3

ОБЪЕКТ ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ

— По-моему, по этому адресу нет никакого склада ни с чем.

— Комендант сказал: «объект особого значения». Так что наверняка будет что-то в этом роде. На, держи.

Они стояли во дворе-колодце — небольшом пространстве между домами, которые тесно прижимались друг к дружке, окружив Светлова и Зойку со всех четырёх сторон. Любое громкое слово здесь отдавалось эхом, и все почему-то старались говорить тише, словно боясь, что кто-то услышит.

Светлов присел перед Зойкой, протянул ей свёрток и раскрыл: это оказался кусочек хлеба, завернутый в носовой платок. Зойка обрадовалась, взяла хлеб, но есть не стала, лишь аккуратно завернула обратно и положила в карман.

— Ты чего? Ешь! Это ж тебе, — удивился Колька.

— Я потом, за столом. А то крошки упадут. Потеряются, — обыденным тоном ответила Зойка.

Колька кивнул.

— И то верно. Молодец.

Из окна ближайшего дома на них выглядывали дети. Ещё одни узники бумажных «решёток», которым хотелось, чтобы их тоже пришёл кто-то забрать.

— Идём, мне надо торопиться. — Колька поднялся, взял Зойку за руку и повёл из двора. Если бы они обернулись, то увидели бы трещину, идущую по стене дома до самой крыши, а вдоль трещины окна нескольких этажей, и в каждом окне — хотя бы одна пара дет-

ских глаз, которая наблюдала за ними в полной тишине. Но Колька и Зойка смотрели вперёд, а впереди, им навстречу шёл солдат, ведя перед собой пару мальчишек ещё младше Зойки. Они разминулись, и старшина с племянницей вышли на улицу через арку.

По дороге, недалеко от интерната они услышали детские возгласы:

— Газеты, газеты! «Ленинградская правда»! «Смена»! Подходите! Газеты!

Мальчик стоял в деревянном киоске, держа в руках стопку газет, и воодушевлённо привлекал внимание прохожих. Правда, от киоска того не осталось ни потолка, ни даже большей части стен — только одна стояла, передняя, опираясь на несколько досок, сохранившихся от боковых. В ней было окно, через которое мальчик и раздавал газеты. Тем временем старик и женщина, вероятно, его дедушка и мама, были тут, рядом — они разбирали доски разрушенного киоска на дрова. Здесь же валялись и обрывки газет, которые мама тоже подбирала — на растопку согдятся. Если приглядеться, можно было бы увидеть, что и мальчишка «продавал» оборванные газеты, от которых в лучшем случае по листку осталось. Дедушка недовольно взглянул на маму и кивнул ей на сына: чего, мол, без дела стоит, пусть помогает. Мать выпрямилась было чтобы окрикнуть мальчика, но так и не произнесла ни слова, только смотрела, как он раздаёт газеты, и как некоторые даже берут, оплачивая только улыбкой. Мать молча вернулась к сбору досок. Дедушка тоже не смог ничего сказать внуку.

Идти до «особо важного объекта» было не очень долго и всё же нужно было преодолеть пару мостов и несколько улиц. Колька и Зойка шли мимо пустых